

СВЯТООТЕЧЕСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ

о молитве и трезвении
или
внимании в сердце к Богу
и истолкование
молитвы Господней
словами
СВЯТЫХ ОТЦОВ

Сборник

**Святоотеческие наставления
о молитве и трезвении или
внимании в сердце к Богу**

«РИПОЛ Классик»

2008

Сборник

Святоотеческие наставления о молитве и трезвении или внимании в сердце к Богу / Сборник — «РИПОЛ Классик», 2008

Книга «Святоотеческие наставления о молитве и трезвении или внимании в сердце к Богу и истолкование молитвы Господней словами святых отцов» необходима каждому истинно верующему православному христианину. Сборник, составленный святителем Феофаном Затворником, содержит наставления святых отцов церкви Василия Великого, Иоанна Златоуста, преподобного Нила Синайского, великих старцев Варсонофия и Иоанна и многих других. Эти признанные во всем православном мире духовные учителя расскажут вам о том, что такое истинная вера в Бога и как найти Господа в сердце своем.

Содержание

Предисловие	5
Святого Василия Великого.	7
Святого Иоанна Златоуста.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Коллектив авторов

Святоотеческие наставления о молитве и трезвении или внимании в сердце к Богу и истолкование молитвы Господней словами святых отцов.

Предисловие

Предлагаемый сборник обязан своим происхождением следующему случаю. Некто из боголюбцев, любящих внимать себе и с Богом молитвенно беседовать, рассказывая о себе, что он бывал вынужден иногда хлопотать много по хозяйству и по должности, всегда ослабевает во внимании и охлаждается в молитве. Как, говорит, ни скорбно это, но сладить с собою не бываю я в силах. Но потом, как только улучу свободное время, запираюсь в своей комнате и, положив конец всем делам и хлопотам, только молюсь, читаю и размышляю о Боге и вещах божественных. Милостив Бог – прежнее настроение мирное опять возвращается. Читаю я в это время все только о молитве, то в одной, то в другой книге. Сказав это, он выразил желание, что хорошо было бы, когда бы все это собрано было в одну небольшую книжку. Тогда не для чего было бы рыться в разных книгах.

И се – собрано, хоть отчасти, но довольно достаточно для цели. Побуждением служило не одно желание означенного боголюбца, но особенно то, что и другие многие боголюбцы бывают в подобных же обстоятельствах, а книг тех, в которых пишется о молитве, не имеют под руками, чтоб почитать и восстановить в себе молитвенное настроение. Между тем такое чтение есть наилучшее средство к умиротворению ума и отрезвлению сердца. Почитает – и подогреет желание молитвы. Помолится, пока теплится сердце, – и опять за чтение, чтобы, подогревшись им, снова стать на молитву.

Вот по какому поводу и побуждению этот сборник! Но и без того в нем всякий, желающий установиться в молитве, найдет потребное к тому наставление. В нем все говорится о духе молитвенном. Что же касается до правил и чина молитвословного, то для этого нет нужды в особых наставлениях. Эти правила и чины указаны в церкви и исполняются всеми, даже и не так усердно внимающими молитве. Ходят в церковь и дома молятся по молитвенникам. И нет никого, мало-мальски себя помнящего, кто бы ни исправлял каждодневно молитв, как бы то ни было.

При всем том нельзя однако ж не удивиться, как так бывает, что целый век молимся, а молиться, как должно, все же не умеем. Предлагаемый сборник напомнит об этом, изображая достодолжную молитву, а кто возжелает достигнуть совершенства в ней, чтоб она и в его душе была достодолжною, того научит, как в сем успеть...

Иной, может быть, пожалует, что сборнику не дана какая-нибудь система. Об этом была мысль. Но спрошен был один из великих молитвенников, святитель Божий, теперь уже блаженной памяти, – не лучше ли дать систему сборнику? Ответ получен такой: не идет к сему делу система. Система производится такими силами, которые находятся совсем в другой области, нежели в какой действуется молитва. Потому это будет смешение несродных стихий. Сборник составляется для назидания, а не для умствования. Ищущему же назидания не система нужна, а указание дела. У него свой в сердце создается молитвенный строй, и всякое вычитанное указание тотчас в сердце, а не в голове находит свое место. Система будет ему только

мешать и даже охлаждать дело молитвы. Этому нельзя противоречить – и сборник составлен без системы.

Сопровождаем его желанием, да даст Господь всем читающим найти в нем благопотребное для созидания в сердце их духе молитвенного.

Святого Василия Великого. Наставления о молитве и трезвении

1) Молитва есть прошение благ, воссылаемое благочестивыми к Богу. Но надобно не в словах одних поставлять молитву, а паче в душевном расположении молитвенном. И молиться надобно всегда, при всяком случае. Сидишь ли за столом, – молись; вкушая хлеб, воздай благодарение Давшему; подкрепляя немощь тела вином, помни Подавшего тебе дар сей на веселие сердцу и в облегчение недугов. Миновалась ли потребность в снедах, – да не прекращается памятование о Благодетеле. Надеваешь хитон, – благодари Давшего; облакаешься в одежду, – усугубь любовь к Богу, даровавшему нам покровы, пригодные для зимы и лета, охраняющие жизнь нашу и закрывающие наше безобразие. Прошел ли день, – благодари Даровавшего нам солнце для отправления дневных дел и Давшего огонь освещать ночь и служить для прочих житейских потреб. Ночь пусть доставит тебе другие побуждения к молитве. Когда воззришь на небо и устремишь взор на красоту звезд, молись Владыке видимого и поклонись наилучшему Художнику всяческих, Богу, Который вся премудростию сотворил (Пс. 103, 24). Когда увидишь, что вся животная природа объята сном, опять поклонись Тому, Кто посредством сна и против воли нашей разрешает нас от непрерывности трудов и чрез малое успокоение опять приводит в бодрость силы. Поэтому ночь не вся да будет у тебя уделом сна, – не попускай, чтобы от сонного бесчувствия сделалась бесполезною половина жизни; напротив, ночное время да разделится у тебя на сон и на молитву. Таким образом непрестанно будешь молиться, не в словах заключая молитву, но чрез все течение жизни приближаясь к Богу, чтобы жизнь твоя была непрерывною и непрестанною молитвою.

2) На всякое призывание тебя к молитве отвечай: готово сердце мое, и до последней молитвы будь на богослужении, почитая великим ущербом оставить молитву. Ибо если, вкушая пищу для подкрепления своей плоти, остаешься безвыходно за трапезой, пока не удовлетворишь потребности, и без большой необходимости не легко выйдешь из-за стола: то не тем ли паче должен ты до конца оставаться во время духовного питания и укреплять душу молитвою? Ибо сколько разности у неба с землею и у небесного с земным, столько же разности у души с телом. Душа – подобие неба, потому что в ней обитает Господь; а плоть – из земли, на которой обитают смертные люди и бессловесные животные. Поэтому нужды телесные соразмеряй с часами молитв и приготовься не слушаться помысла, который отвлекает тебя от общего молитвословия. Ибо у диавола в обычае – в часы молитвы, под предлогом благовидной, конечно, причины, побуждать нас к отлучке, чтобы благовидно отвлечь нас от молитвы. Не говори в извинение: у меня болит голова, болит живот, представляя неизвестных свидетелей небывалой болезни и для упокоения ослабляя в себе усилие ко бдению. Напротив того, совершай еще и тайные молитвы, которые Бог видит втайне и за которые воздаст тебе яве (Мф. 6, 6).

3) Вся жизнь да будет временем молитвы. Но поелику напряженности псалмопения и коленопреклонения надобно давать отдых некоторыми перерывами, то всего более должно соображаться с теми часами, которые употребляемы были на молитву святыми в образец нам. Так великий Давид говорит: *полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоя* (Пс. 118, 62). А ему, как видим, последуя Павел и Сила *в полунощи* хвалят Бога в темнице (Деян. 16, 25). Потом тот же пророк говорит: *вечер и заутра, и полудне повем и возведу* (Пс. 54, 18). Но и в третий час совершается пришествие Духа Святого, как знаешь из Деяний (2, 15). Девятый час напоминает страдание Господне, совершившееся наше ради жизни. Но поелику Давид говорит: *седмерицею днем хвалих тя о судьбах правды Твоя* (Пс. 118, 164), а помянутые времена молитвы не наполняют собою седмичного числа молитв, то полуденную молитву надо

разделить на молитву пред принятием пищи и на молитву по принятии оной, чтобы и нам при каждом круговращении дня служило образцом сие правило: *седмерицею днем хвалить Бога*.

4) Для прочего всему свое есть время, по слову Екклесиаста: *время всякой вещи* (3, 1); но для молитв и псалмопения пригодно всякое время. Почему, и между тем как движешь руку на дело, *или* языком, когда возможно сие, лучше же сказать, когда полезно к созиданию веры, *или*, если то невозможно, сердцем *во псалмах и пениих и песнях духовных* воспевай Бога и между делом совершай молитву, как благодаря Того, Кто дал силу рук на дела и мудрость ума на приобретение знания, Кто дал вещество, из которого сделаны орудия, *так* моля направить дела рук наших к цели благоугождения Богу. Таким образом достигнем собранности, когда, по сказанному, при всяком действии будем у Бога просить успеха в делании, воздавать благодарение Давшему деятельную силу и соблюдать цель благоугождения Ему. Ибо если не употребим при этом сего способа, то как может быть совмещено сказанное у апостола: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 18) и: *ночь и день делаяще* (2 Сол. 3, 8)?

5) Не должно пренебрегать установленные времена молитв, потому что каждое из них особенным образом напоминает о благах, подаваемых от Бога. Так, не должно пренебрегать утра, чтобы первые движения души и ума посвящаемы были Богу, чтоб мы ничем другим не озабочивались, пока не возвеселены мыслию о Боге, по написанному: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4), чтоб и тело не приводило в движение для делания, пока не исполним сказанного: *завтра услышиши глас мой; завтра предстану Ти и узриши мя* (Пс. 5, 3.4). И в третий час должно вставать на молитву, вспоминая дар Духа, данный в третий час апостолам, чтобы и нам сделаться достойными принятия святости и испросить у Духа руководства и учета на пользу, подражая сказавшему: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица*

Твоего и Духа Твоего Святого не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего, и Духом владычным утверди мя (Пс. 50, 12—14). Потом опять приниматься за дела. В шестый же час признали мы необходимым в подражание святым молиться, говоря: *вечер, и завтра, и полудне повем и возведу, и услышит глас мой* (Пс. 54, 18), а чтоб избавиться и беса полуденного, читая вместе и девяностый псалом. О том же, что девятый час нужен нам на молитву, предано нам самими апостолами в книге Деяний, где повествуется, что *Петр и Иоанн восхождате во святилище на молитву в час девятый* (Деян. 3, 1). А по окончании дня нужны как благодарение за то, что в день сей дано нам, или благоуспешно нами исполнено, так исповедание в том, что, чего мы не выполнили, произвольно ли было наше прегрешение, или непроизвольно, или даже тайно, состояло ли оно в словах, или в делах, или заключалось в самом сердце: за все должны мы умилоствовать Бога молитвою. Ибо обозрение прошедшего весьма полезно, чтоб снова не впадать нам в подобные грехи, почему и сказано: *яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитесь* (Пс. 4, 5). Но опять и при наступлении ночи нужно просить, чтобы упокоение наше было непреткновенно и свободно от мечтаний, читая и в этот час девяностый псалом. А что и полночь нужна нам на молитву, это передали Павел и Сила, как сказует история Деяний, говоря: *в полнощи же Павел и Сила молящися, пояху Бога* (16, 25). И псалмопевец говоря: *в полнощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды твоя* (Пс. 118, 62). Опять надобно вставать на молитву и, предваряя утро, дабы день не застал нас во сне и на ложе, по словам сказавшего: *предваристе очи мои ко утру поучатися словесем твоим* (там же, ст. 144). Тем, которые решились жить тщательно во славу Бога и Христа Его, не надобно пренебрегать ни одного из сих времен.

6) Как достигнуть нерасеянности в молитве? Несомненно убедившись, что Бог пред очами. Если тот, кто видит пред собою начальника или настоятеля и беседует с ним, не отвращает от него взора: то кольми паче молящийся Богу (с показанным убеждением) будет иметь ум, не уклоняющийся от Испытующего сердца и утробы, исполняя написанное: *воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8).

7) Можно ли достигнуть нерассеянности во всем и во всякое время, и как сего достигают? Что сие возможно, показал тот, кто сказал: *очи мои выну ко Господу* (Пс. 24, 15) и: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15.8). А как сие возможно, о том сказано выше, – именно же, – для сего не должно давать душе времени быть праздною от помышления о Боге и о Божиих делах и дарах, также от исповедания и благодарения за все.

8) Какая это *клеть*, в которую Господь повелевает войти молящемуся (Мф. 6, 6)? Клетию обыкновенно называется пустая и отдельная храмина, в которую кладем, что хотим сохранить, или в которой можно скрыться. А силу заповеди объясняет самый предмет речи, потому что она обращена к страждущим недугом человекоугодия. Почему если кого беспокоит сей недуг, то прекрасно он делает, устраняясь и уединяясь в молитве, пока не будет в состоянии приобрести навык не обращать внимания на похвалы людские, а взирать только на Бога, по примеру сказавшего: *се яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему* (Пс. 122, 2). Но если кто по благодати Божией чист от недуга сего, то нет ему надобности скрывать прекрасное; чему научая, сам Господь говорит: *так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрыя дела ваша, и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). Тот же смысл заповеди о милосердии и о посте, о которых говорится в том же месте, и вообще о всяком деле благочестия.

9) Что значит: *пойте разумно* (Пс. 46, 8)? Что в рассуждении снедей ощущение качества каждой снеди, то в рассуждении слов Писания разумение. Ибо сказано: *гортань брашна вкушает, ум же¹ словеса разсуждает*. Посему, если у кого душа так чувствительна к силе каждого слова, как вкус чувствителен к качеству каждой снеди, то он исполнил заповедь, которая говорит: *пойте разумно*.

10) По какой причине человек теряет всегдашнее памятование о Боге? Если он не памятует благодеяний Божиих и оказывается несознательным пред Благодетелем.

11) Молитву должно всему предпочитать. Марфа принимает (заботится угостить) Господа, а при ногах Его сидит Мария. В обеих сестрах видно прекрасное усердие; но ты различай дела. Господь одобрил усердие обеих женщин: но Марию предпочел Марфе. Марфа – образ деятельного служения другим; Мария – образ созерцательного предстояния Богу в молитве.

Подражай чему хочешь: тем и другим приобретешь плод спасения: впрочем, последнее выше первого. *Мария благую часть избра* (Лк. 10, 42). Если и ты хочешь быть таинником Христовым, сядь при ногах Его и пребывай в молитвенном созерцании Его.

12) Молитва имеет два вида: первый – славословие с смиренномудрием, а второй, низший – прошение. Посему, молясь, не вдруг приступай к прошению: в противном случае сам о своем произволении даешь всем знать, что молишься Богу, вынужденный потребностью. Поэтому, начиная молитву, оставь себя самого, жену, детей, расстанься с землею, минуй небо, оставь всякую тварь видимую и невидимую, и начни славословием все Сотворившего: и когда будешь славословить Его, не блуждай умом туда и сюда, не баснословь по-язычески, но выбирай слова из Святых Писаний и говори: благословляю тебя, Господи, долготерпеливого и незлобивого. Для того, Господи, Ты молчишь и терпишь нас, чтобы мы славословили Тебя, домостроительствующего спасение рода нашего, и под. Когда же кончишь славословие, по мере сил твоих заимствованное из Писаний, и восплещь хвалу Богу, тогда начни со смиренномудрием и говори: недостоин я, Господи, говорить пред Тобою, потому что весьма грешен, – более всех грешников грешен я. Так молись со страхом и смиренномудрием. Когда же совершишь обе эти части славословия и смиренномудрия, тогда проси уже, чего должен ты просить, т. е. не богатства, не славы земной, не здравия телесного, потому что Он Сам знает, что полезно каждому; но, как повелено тебе, проси Царствия Божия. Царь наш преименит и негодует, если кто

¹ В славян. ухо; но и св. Златоуст читает: ум.

попросит у Него какой малости, если кто из нас просит у Него недостойного. Поэтому молитвою своею не наведи на себя негодования, но проси себе того, что достойно Царя Бога.

13) Прося того, что достойно Бога, не переставай просить, пока не получишь. На сие наводя мысль, Господь сказал притчу о выпросившем в полночь хлеба у другого своею неотступностью (Лк. 11, 5—7). Господь представляет нам пример сей, чтобы научить нас быть неослабными и неотступными в молитве с верою, не теряя надежды и не отчаяваясь, если не вдруг получим просимое. Хотя пройдет месяц, и год, и трехлетие, и большее число лет, пока не получишь, не отступай, но проси с верою, непрестанно делая добро.

14) Итак проси неотступно Бога о всем, касающемся спасения твоего и преуспевания в добре, и непременно получишь. Но при сем ведай, что ты и с своей стороны должен делать все посильное; к Богу же вопиют о помощи, чтобы Он был тебе помощником. Ибо если кто по непостоянству сам предается похотениям (противным заповедям), то Бог не помогает ему и не слушает его молитв, потому что он предварительно сделал себя чуждым Бога чрез грех. Кто хочет иметь помощь от Бога, тот не изменяет обязанности; и кто не изменяет обязанности, тот никогда не бывает оставлен без Божия вспомоществования. Поэтому не должно доводить себя до того, чтоб его осуждала в чем-либо собственная совесть, и в таком состоянии призывать Божию помощь.

15) Призывать же ее должно не с нерадением, не умом, скитающимся там и здесь. Такой не только не получит просимого, но еще более преогорчит Владыку. Если и тот, кто стоит и ведет речь пред князем, стоит с великим страхом, не дозволяя блуждать, как внешнему своему оку, так и внутреннему, душевному, чтобы не подвергнуться опасности; то не тем ли паче со страхом и трепетом надо стоять пред Богом, весь ум устремляя к Нему единому, а не к чему-либо иному? Потому что Он не только подобно людям видит внешнего человека, но прозирает и во внутреннего. Посему если будешь стоять пред Богом, как надобно, и с своей стороны все сделаешь, то не переставай просить просимого тобою, и несомненно получишь.

16) Если будешь осуждаем совестью своею, как презритель заповедей Божиих, и если будешь стоять на молитве рассеянно, когда бы мог стоять и нерассеянно, то не дерзай стоять пред Богом, чтобы молитва твоя не обратилась в грех. Если же ты стараешься, но не успеваешь молиться без развлечения, то принуждай себя, сколько станет сил, и продолжай стоять пред Богом, к Нему обращая ум и собирая Его в себя самого, и Бог простит тебе; потому что не из пренебрежения, но по немощи не имел ты сил стоять пред Богом, как должно. Потому, если так будешь себя принуждать ко всякому делу благу, не переставай просить, пока не получишь просимого тобою, но терпеливо толкай в дверь Его, прося просимого. *Всяк бо, сказано, просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется* (Лк. 11, 10). Ибо чего иного желаешь ты сподобиться, как не единого спасения в Боге.

17) Но говоришь: много раз просил я и не получил просимого. Без сомнения, не получил ты потому, что просил худо, — с неверием и рассеянно, или просил бесполезного тебе. А если и полезного просил, то не имел постоянства. Ибо написано: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19) и: *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22).

18) Бог знает сердце молящихся. Поэтому говоришь: какую нужду имеет Бог в нашем прощении? Разве не знает Он, в чем имеем нужду? Посему какая нужда в прощении? Бог знает, что нам нужно, и все телесное щедро подает в наслаждение наше, еще прежде прощения нашего: будучи благ, *дождит Он на праведных и неправедных, и солнце свое сияет на злых и благих* (Мф. 5, 46). Но веры, добродетели, достойной сего имени, Царства Небесного, если не будешь просить с трудом и многим терпением, не получишь, потому что должно прежде пожелать, а пожелав, искать деятельно в вере и терпении, употребив с своей стороны все, так чтобы ни в чем не осуждала собственная совесть, будто бы просишь или нерадиво или лениво; и тогда уже получишь, если угодно сие Богу. Ибо Он лучше тебя знает, что полезно тебе.

19) И может быть – для того медлит Он даровать тебе просимое, чтобы заставить тебя неотлучнее пребывать пред Ним и чтобы ты, узнав, что такое дар Божий (как трудно достается), со страхом хранил его. Ибо все, что приобретает кто со многим трудом, старается он сохранить, чтоб, потеряв то, не потерять и многого труда своего и, отринув благодать Божию, не сделаться недостойным жизни вечной. Посему не малодушествуй, если нескоро получаешь просимое. Ибо если бы благий Господь видел, что ты, скоро получив дар, не утратишь его, то готов был бы даровать оный и прежде твоего прошения. А теперь из попечительности о тебе делает Он это (т. е. не дает). Ибо если принявший талант и сохранивший его в целости осужден за то, что не пустил его в оборот, то не тем ли паче осужден будет утративший его?

20) Посему, зная это, получаем ли скорее, или медленнее, пребудем благодарными Господу: потому что все, что ни делает Владыка, домостроительствует во спасение наше; только ты да не будешь из малодушия прекращать прошения. Ибо Господь для того и сказал притчу о вдовице, которая своею неотступностию преклонила незаконного судию, чтобы и нас научить своею неотступностию достигать получения по прошениям своим. В этом выказывается и вера наша и любовь к Богу, когда, и, нескоро получая, пребываешь благодарными Ему. Будем же всегда благодарить Его, чтобы сделаться достойными сподобиться вечных благ Его.

21) Прежде всего должны мы всеми мерами удерживать помысл, установив над ним трезвенный надзор ума, чтобы не позволять душе предаваться необузданным стремлениям по влечению тела. Как телесное зрение – в глазе, так око души – в прирожденном ей уме. Когда душа, приводя в движение свою умную силу, какая естественно вложена в нее сотворившею ее Святою Троицею, желает должного и надлежащего, тогда избегает она нападений тела, предусматривая и обуздывая беспорядочные его движения, блюдет в себе приличную ей тишину и, среди безмолвного упразднения от всего, занимается свойственными ей созерцаниями; и сие делает, по возможности возводя внимательный взор к достопокланяемой Троице и помышляя о неприступности Божией славы, по избытку ее сияния, о светлости Богоблаженства, о беспредельной Его премудрости, о мире в Нем глубоком и ничем не возмутимом, о Его естестве бесстрастном и ни от чего не приходящем в движение. Когда душа, соблюдая мысленную силу свою в трезвении и свойственных ей деланиях, установится в описанных всеми созерцаниях, тогда она и нрав свой и стремления свои будет сильно направлять на то, что право и праведно, прекрасно и миротворно. Коль же скоро она перестанет устремлять ум свой горе и углубляться в надлежащие созерцания, тогда телесные страсти, как псы, оттолкнувшие надсмотрщика, тотчас с силою восстают и нападают на душу, – и каждая страсть усиливается истерзать ее. Когда душа сделает свою созерцательную и разумную силу всегда бодрственною, то усыпляет телесные страсти двояким образом, т. е. и тем, что бывает занята созерцанием лучшего и сродного, и тем, что, надзирая за безмятежием тела, уцеломудривает и утишает его страсти. Если же, возлюбив леность, оставить созерцательную силу в недеятельности, то телесные страсти легко увлекают душу к своим стремлениям и действиям.

22) Есть два способа, коими непристойные мысли вытесняют помыслы добрые: бывает сие или потому, что душа по собственному нерадению начинает блуждать мыслями около того, что непристойно, от одних мечтаний переходя к другим, более бессмысленным; или сие бывает по навету диавола, когда он успевает представить уму предметы неуместные и отвести его от созерцания и внимательного рассмотрения предметов похвальных. Когда душа сама, расстроив собранность и напряжение мысли, приводит себе на память всякие пустые вещи, и оставляет помысл бессмысленно и неразумно носиться по тем воспомянутым вещам, и, на них насмотревшись, переходит к дальнейшим блужданиям по вещам нередко неуместным и срамным: тогда такую распушенность и такое рассеяние души должно исправлять, усиленным напряжением воли восстанавливая внимание ума и заставляя его тут же заняться созерцанием предметов добрых. Когда же диавол покушается наветовать и усиленно напрягается в безмолвствующую и мирствующую в себе душу впустить свои, как ражженные стрелы, помыслы, чтоб, внезапно

обжегши ее, заставить долее и неотразимее продержат на них помыслы: тогда – отражая и предотвращая такие нападения напряженным вниманием и трезвением, подобно борцу, который зорким наблюдением и проворством телодвижений успевает избегать удара, – надобно предать молитве и призыванию, споборания свыше все, – и прекращение брани и отражение стрел. Сему научает нас Павел, говоря: *над всеми же сими восприимите щит веры, в немже возможете вся стрелы лукавагоразжженных угасити* (Еф. 6, 16). Посему, если и во время самых молитв враг будет влгать лукавые мечтания, душа да не перестает молиться и да не почитает собственными своими произращениями эти лукавые всеяния врага, эти фантазии неистощимого в кознях чудодея; но рассудив, что появление непотребных мыслей бывает в нас по безотвязности изобретателя лукавства, тем усиленнее да припадает к Богу и да молит Его рассыпать лукавое средостение, воздвигаемое памятью неуместных помыслов, дабы стремлением ума своего беспрепятственно всегда восходить к Богу, не бывая пресекаема нападениями лукавых воспоминаний. Если и продолжится таковое насилие помыслов, по безотвязности воющего с нами, то и в таком случае не должно приходить в отчаяние и не оставлять подвига на половине дела, но терпеливо пребывать в молитве дотоле, пока Бог, видя нашу твердость, не озарит нас благодатию Духа, обращающею в бегство наветника, очищающею и наполняющею божественным светом ум наш и дающею помыслу нашему силу в неволненной тишине служить Богу.

23) От природы в нас есть вожделение прекрасного. Но что досточуднее Божией красоты? Какое представление приятнее Божия благолепия? Какое желание душевное так живо и неудержимо, как желание, порожаемое Богом в душе, очищенной от всего худого, которая с истинным расположением говорит: *уязвлена есмь любовию* (Пес. пес. 2, 5)? Подлинно неизреченны и неописанны молниеносные блистания Божией красоты; ни слово не может выразить их, ни слух вместить. Наименуем ли блеск денницы, или светлость луны, или сияние солнца, – все это недостойно явить и малое подобие славы Божией, и в сравнении с истинным светом далее отстоит от Него, нежели глубокая ночь и ужаснейшая тьма от полуденной ясности. Если красота сия незримая телесными очами, а постижимая только душою и мыслию озаряла когонибудь из святых и оставляла в нем неудержимое уязвление любви, то, тяготимые здешнею жизнью, говорили они: *увы мне, яко пришествие мое продолжися* (Пс. 119, 5). *Когда прииду и явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 3)? *Возжада душа моя к Богу крепкому* (Пс. 41, 3). Столько были неудержимы в стремлении к Богу те, которых души коснулось божественное желание. По причине ненасытного желания созерцать Божественную доброту, они молились о том, чтобы зрение красоты Божией простиралось на всю вечность (Пс. 21, 4).

24) Мы по природе имеем любовь и расположение к благодетелям и готовы бываем на всякий труд, чтобы воздать за оказанное нам благодеяние. Но какое слово может изобразить Божии дары? Они таковы по множеству, что превышают всякое число, – так велики и важны по качествам, что достаточно и одного, чтобы обязать нас ко всякой благодарности Подателю. Умолчу о тех из них, которые, хотя сами по себе и чрезмерны величию и привлекательностию, однако же, превышаемые светозарностию больших, как звезды сиянием солнечных лучей, не так ясно выказывают свою благодетельность. Ибо нет времени, оставив превосходнейшее, измерять благодетеля меньшими Его дарами. Поэтому пусть будут преданы молчанию восхождение солнца, круговращение луны, благорастворение воздуха, смены годовых перемен, вода из облаков, вода из земли, самое море и вся земля, рождающееся из земли, живущее в водах, роды живых тварей в воздухе, тысячи различий между животными, все назначенное на служение нашей жизни. Но одного, хотя бы кто и захотел, нельзя миновать, об одном даже совершенно невозможно молчать тому, кто имеет здравый ум и слово, – именно о том, что Бог, сотворив человека по образу Своему и подобию, удостоив ведения о Себе, украсив пред всеми животными даром слова, дав ему наслаждаться безмерными красотами рая, поставив его князем над всем, что на земле, и после того, как перехищен быв змием, ниспал он в грех,

а чрез грех в смерть и во все, что достойно смерти, – не презрел его, но *сперва* дал ему закон, для охранения его и попечения о нем приставил Ангелов, для обличения порока и научения добродетели посылал пророков, порочные стремления пресекал угрозами, усердие к добрым делам возбуждал обетованиями, – а *потом*, когда мы и при всех таких пособиях оказались неисправимыми, благоволил воззвать нас от смерти и оживотворить в Господе нашем Иисусе Христе предивным неким домостроительством. Ибо Он, *во образе Божии сыи, не восхищением нещцева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим* (Фил. 2, 6), – восприял на Себя и наши немощи, понес болезни, был язвен за нас, чтобы мы *язвою Его исцелили* (Ис. 58, 5), *искупил ны есть от клятвы, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13), претерпел поноснейшую смерть, чтобы нас возвести к славной жизни, и не удовольствовался тем, но еще даровал нам достоинство причастия Божества, уготовал вечные упокоения, великостию утешений превышающие всякую человеческую мысль. *Что убо воздадим Господеву о всех, яже воздаде нам* (Пс. 115, 5)? Когда все сие привожу себе на мысль, тогда (откроюсь в своей немощи) прихожу в какой-то ужас и страшное иступление от боязни, чтобы по невнимательности ума или по причине занятия суетным, отпав от любви к Богу, не сделаться мне некогда укоризною Христу. Ибо тот, кто ныне обольщает нас и мерзкими приманками всемерно старается произвести в нас забвение о Благодетеле к погибели душ наших, тогда сие забвение наше обратит в укоризну Господу, хвалясь нашею непокорностию и нашим отступничеством; потому что Он не сотворил нас и не умер за нас, однако же имел нас своими последователями в непокорности и нерадении о заповедях Божиих. Эта укоризна Господу и эта похвальба врага для меня кажутся тяжелее гееннских мучений – врагу Христову послужить поводом ко превозношению пред Тем, Кто за нас умер и воскрес.

25) Надобно *всяким хранением блюсти свое сердце* (Прит. 4, 23), чтобы никак не терять мысли о Боге и памятования о чудесах Его не осквернять представлениями суетного, но святую мысль о Боге, постоянным и чистым памятованием напечатленную в душах наших, всюду носить с собою, как неизгладимую печать. Ибо таким образом приобретается нами любовь к Богу, которая и возбуждает к исполнению заповедей Господних, и вместе опять сама ими соблюдается, делаясь непрерывною и непоколебимою.

26) Во всяком предстоящем нам деле, волю Повелевшего должно поставлять для себя целью и по оной направлять тщательность свою, как и о Себе говорит Господь: *снидох с небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38). Ибо как необходимые в жизни искусства, предположив некие свойственные им цели, к ним направляют частные действия, так, поелику и нашим делам положены один предел и одно правило – исполнять заповеди благоугодно Богу, то не иначе можно преуспеть с точностию в деле, как совершая оное по воле Давшего заповеди. А при строгой тщательности совершать дело по воле Божией возможно будет чрез памятованье вступить в единение с Богом. Христианин всякое действие, маловажное и важное, должен соображать с волею Божиею и вместе хранить мысль о Том, Кто повелел так поступать. А кто в деле своем нарушает точность заповеди, тот, очевидно, слабо помнит о Боге. Посему помня слова Сказавшего: *еда небо и землю не Аз наполняю* (Иер. 23, 24) и еще: *Бог приближаясь Аз есмь, а не Бог издалеца* (Иер. 23), – надобно всякое дело совершать, как бы оно делалось пред очами Господа, и всякую мысль слагать, как бы Господь назирал ее. В таком случае всегдашний страх будет, и любовь усовершится.

27) Откуда рассеянность и помыслы? И как их приводить в порядок? Рассеянность происходит от праздности ума, не занимающегося необходимым. А ум остается в праздности и беспечности от неверия в присутствие Бога, испытующего сердца и утробы. Ибо если кто поверит сему, то, без сомнения, сделает сказанное: *предзрех Господа предо Мною, яко одесную Мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). А кто достиг сего и подобного сему, тот никогда не осмелится и не будет иметь досуга помыслить что-либо не клонящееся к созиданию веры, хотя бы казалось это и хорошим, а не только что-нибудь запрещенное и неугодное Богу.

28) Каким образом преуспеть в нерассеянности? Если кто усвоит себе мысли избранного Давида, который говорил – иногда: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8) – иногда же: *очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнет от сети нозе мои* (Пс. 24, 15), – а иногда: *се яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своя: тако очи наши ко Господу Богу нашему* (Пс. 122, 2). И чтобы малым примером озаботить нам себя к тщательнейшему приобретению важнейшего, пусть каждый размыслит сам с собою, как он ведет себя в присутствии других, хотя бы и равных себе, как старается достигнуть того, чтобы не осудили чего в уменье его держать себя, в походе, в движении каждого члена и в выговоре. Но как пред людьми стараемся соблюдать видимое для людей, так и гораздо еще более *кто* несомненно уверен, что имеет зрителями – Бога, по написанному, *испытующаго сердца и утробы* (Пс. 7, 10), – и едиnorodного Сына Божия, исполняющего обетование: *идеже есть два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреди их* (Мф. 18, 20), – и Святого Духа, Который управляет нами, разделяет дарования и действует в нас, – и Ангелов-хранителей каждого из нас, по сказанному Господом: *блюдите, да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам, яко ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего небеснаго* (Мф. 18, 10); тот возлагает на себя важнейший и труднейший подвиг, как благочестие свое сделать богоугодным; и таким образом сильнее и совершеннее утверждается в нем нерассеянность, особенно же если постарается исполнить сказанное: *благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устехмоих* (Пс. 33, 2), чтобы, при неослабном и непрестанном созерцании славы Божией, ум не находил и времени к рассеянию.

29) От чего бывает, что в уме как бы оскудевают благие помыслы и попечения, угодные Богу? И как предохранить себя от этого? Поелику Давид говорит: *воздрема душа моя от уныния* (Пс. 118, 28), то видно из сего, что бывает это от душевной дремоты и от бесчувствия. Ибо в душе бодрственной и трезвящейся не оскудевают и попечение угодное Богу и помысл благий, а напротив того видит она, что сама для них недостаточна; потому что если око телесное недостаточно к рассмотрению каких-либо немногих Божиих созданий и не насыщается, посмотрев на что-либо однажды, но и непрестанно рассматривая одно и то же, не перестает однако же смотреть: то тем паче душевное око, если оно бодрственно и трезвенно, недостаточно к созерцанию Божиих чудес и судеб. Ибо сказано: *судьбы Твоя бездна много* (Пс. 35, 7), – и в другом месте: *удивися разум Твой от мене: утвердися, не возмогу к нему* (Пс. 138, 6), – и многое подобное сему. Если же оскудевает в душе благий помысл, то явно, что оскудевает в ней также и просвещение, не по оскудению просвещающего, но от дремоты того, что должно быть просвещено.

30) Блаженна душа, которая день и ночь не имеет другого попечения, кроме сего одного, как в великой тот день, когда вся тварь предстанет Судии дать отчет в делах своих, и ей не затрудняясь ответить за жизнь свою. Кто имеет у себя пред глазами этот день и час и всегда помышляет об оправдании на непогрешимом судилище, тот или вовсе не согрешит, или согрешит весьма мало; потому что грешим мы по отсутствию в нас страха Божия. А в ком ясно напечатлено ожидание угрожающего, тому живущий в нем страх не даст времени впасть в поступки или помышления необдуманые. Итак памятуй о Боге, имей в сердце страх Божий и всех призывай в общники и пособники молитвенные, ибо велика помощь от тех, которые могут умилостивить Бога. И ты не переставай делать это. Ибо молитва их будет нам, и пока живем, добрым помощником в жизни сей, и когда будем отходить отселе, послужит достаточным напутствием к будущему веку. Но как попечение о будущем ответе есть дело доброе, так опять малодушие и безнадежие принадлежит к предметам душепагубным. Уповай на благость Божию и ожидай от Бога заступления, зная, что если обращаемся к Нему как должно и искренно, то Он не только не отринет нас вовсе, но пока еще произносим слова молитвы, скажет: *Се Аз!*

31) *Поклонитесь Господеви во дворе святем Его* (Пс. 28, 2). Двор Господа – святая Церковь. Надобно поклоняться Господу не вне святого двора сего, но находясь внутри его, чтоб оставаясь вне и увлекаясь внешним, не превратить в ничто пребывания своего во дворе Господа. Ибо многие по наружности стоят на молитве, но не суть во дворе, потому что мысль их носится туда и сюда, и ум развлечен суетною заботою.

32) *В храме Его всякий глаголет славу* (Пс. 28, 9). Да слышат сии слова и да стыдятся те, которые предаются многоглаголанию. Что говорит псалом? Кто в храме Божиим, тот не злословит и не слова о суете и срамных вещах износит из уст, но *в храме Его всякий глаголет славу*. Здесь стоят св. Ангелы и записывают твои слова; здесь Сам Господь, – и называет расположение входящих. Молитва каждого открыта пред Богом: Ему открыто, кто по расположению, кто разумно просит небесного, кто только для вида, одними краями уст, выговаривает слова, сердце его далеко отстоит от Бога, кто хоть и молится, но просит лишь здоровья телесного, богатства вещественного, славы человеческой. В храме же Божиим надлежит преимущественно глаголать славу Божию. Славословить Бога – занятие Ангелов. Для всего небесного воинства одно дело – воссылать славу Создателю. Всякая тварь, и молчащая и говорящая, и премирная и земная, славит Создавшего. А жалкие люди, оставя дома и стекшись в храмы, не приклоняют слуха к словесам Божиим, не исполняют долга естества (славословить), не скорбят, что состоят под властью греха, не сокрушаются вспоминая о грехах, не трепещут суда; но с улыбкою простирая друг к другу руки, дом молитв делают местом длинных бесед, не внимая псалму, который свидетельствует и говорит, что *во храме Божиим всякий глаголет славу*. А ты не только не глаголешь славы, но и другому служишь препятствием, обращая его внимание на себя и своим шумом заглушая учение Духа. Смотри, как бы вместо получения награды за славословие, не выйти тебе отсюда осужденным вместе с хулящими имя Божие. У тебя есть псалом, есть пророчество, есть евангельские заповеди и апостольские проповеди. Пусть поет язык; пусть ум изыскивает мысль сказанного, чтобы воспеть тебе духом, воспеть же и умом. Бог не требует славы, но хочет, чтобы ты стал достоин прославления. *Еже бо сеет человек, то и пожнет* (Гал. 6, 7). Посей славословие, чтобы пожать тебе венцы, и почести, и похвалы в Царстве Небесном.

33) *Господи Боже мой, воззвах к Тебе, и исцелил мя еси* (Пс. 29, 3). Блажен, кто знает внутреннюю язву свою, может придти к Врачу и сказать: *исцели мя Господи. Исцели душу мою, яко согреших Тебе* (Пс. 6, 3; 40, 5)! Но здесь пророк приносит вместе и благодарение за поданное ему исцеление: *воззвах к Тебе, и исцелил мя еси*. Не было промежутка между воззванием и Твоею благодатию: едва воззвал я, как пришло и исцеление. Молящийся Богу должен говорить не мало важное, чтобы пришло к нам скорое исцеление.

34) *Пойте Господеви преподобнии Его* (Пс. 29, 5). Не всякий тот поет Господеви, кто произносит устами слова псалма, но лишь те, которые от чистого сердца воссылают псалмопения, все, которые преподобны и хранят правду пред Богом, все такие могут петь Богу, верно соблюдая духовные рифмы (духовное настроение). Сколь многие пришли сюда – такие, которые скрывают в сердце неправду? Такие не могут петь, как должно. Они представляют себя поющими, но не поют в действительности: ибо псалом приглашает к песнопению преподобного. *Не может древо зло плоди добры творити*, и порочное сердце износит из себя слова жизни (духовной). Очистите сердца, чтобы плодоносить духовное, и тогда, став преподобными, возможете петь Господу разумно.

35) *Отвратил еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 8). Пока лучи Твоего посещения, говорит пророк, осиявали меня, я проводил жизнь в непоколебимом и безмятежном состоянии. Но когда *отвратил еси лице Твое*; тогда обличилось страстное и смущенное состояние души моей. Будем же непрестанно молиться, чтобы осиявало нас лице Божие, чтобы нам быть в священнолепном состоянии, тихими и ничуть не смущенными, по готовности нашей к добру.

36) *Кая польза в крови моей, вегда сходити ми во истление* (Пс. 29, 10)? Что мне, говорит, пользы в благосостоянии плоти и во множестве крови, когда она будет предана общему разрушению? Но *умерщвляю тело мое и порабощаю* (1 Кор. 9, 27), чтобы утучнение плоти не послужило поводом к греху. Не угождай плоти сном, банями, мягкими постелями, непрерывно повторяя слово сие: *кая польза в крови моей, вегда сходити ми во истление?* Для чего заботишься о том, что вскоре сотлеет? Для чего утучняешь себя и отягощаешь плотию? Разве не знаешь, что чем более дебелию сделаешь ты плоть свою, тем более тягостное узилище приговоришь душе?

37) *Радуйтесь праведнии о Господе* (Пс. 32, 1). *Радуйтесь о Господе* – не тому, что благоуспешны дела ваши, не тому, что наслаждаетесь телесным здоровьем, не тому, что поля ваши изобилуют всякими плодами; но тому, что имеете Господа, Который так прекрасен, так благ, так премудр. Псалом побуждает праведных восчувствовать то свое достоинство, что удостоены быть рабами такого Владыки, и восхищаться своим рабством Ему с неизреченною радостью и с скаканиями, как бы рвалось у них сердце от восторга любви к Благому. Если когда-либо в сердце твоём как бы ниспадный свет произвел внезапную мысль о Боге и озарил твою душу так, что ты возлюбил Бога, а мир и все телесное презрел, то из сего слабого и малого подобия познай полное состояние праведных, которые равномерно и непрерывно возрастают в веселии о Боге. Тебя по временам и редко посещает сия радость, по смотрению Божию, чтобы малое ее вкушение приводило тебе на память, сколь великого блага у тебя недостает. А в праведнике – постоянно божественное и небесное веселие, потому что в нем несомненно обитает Дух. Господь для праведных есть как бы место, их вмещающее, – такое место, в которое вступающему нельзя не благодушествовать и не веселиться. И праведный делается местом для Господа, приемлющим Его в себя; а грешник дает в себе место диаволу (Еф. 4, 27). Посему, пребывая в самом Господе и, сколько можешь, созерцая чудеса Его, из созерцания сего приобретем веселье для сердец своих.

38) Если кто, водимый Святым и человеколюбивым Духом, не мечтая о самом себе, но уничижая себя, чтобы возвысить других, возопиет духом, испрашивая чего-либо великого, и не произнесет ничего недостойного и низкого, выражающего искание земного и мирского: то вопль сего просящего услышан будет Господом.

39) *Бог нам прибежище и сила* (Пс. 45, 2). Не убегай чего не должно и не прибегай к кому не должно. Но пусть будет у тебя одно избегаемое – грех, и одно прибежище – Бог. Многие говорят: *Бог нам прибежище*; но очень немногие говорят сие с таким же расположением, как и пророк: ибо не все во всем предаются Богу, не все Им одним дышат, не все в Нем едином имеют надежду и уверенность. И самые дела обличают нас, когда во скорбях скорее прибегаешь ко всему прочему, только не к Богу. Больно у тебя дитя? Ты ищешь ворожею или вешающего на шею невинным младенцам пустые надписи. Возмутил тебя сон? Ты бежишь к снотолкователям. Устрашился ты врага? Ищешь заступника в ком-либо из людей. Вообще при всякой нужде обличаешь себя сам, что на словах Бога называешь Прибежищем, а на деле домогаешься помощи от бесполезного и суетного. Но праведнику истинная помощь – Бог. Как военачальник, имея храбрых воинов, всегда готов вспомоществовать изнемогшим, так и Бог, – наш помощник и споборник всякого, сражающегося противу козней диавола, посылает служебных духов к требующим спасения.

40) Пророк сказал: *приклони ухо* (Пс. 114, 2), не для того, чтобы ты составлял какое-нибудь чувственное понятие о Боге, будто бы имеет Он уши и приклоняет их по причине тихого голоса, как делаем мы, приближая слух свой к говорящим слабо, чтобы лучше слышать произносимое. Он сказал: *приклони*, чтоб показать собственную свою немощь, т. е. снизойди по человеколюбию ко мне, лежащему долу, как человеколюбивый врач, приклоняя слух свой к больному, который от великого изнеможения не может говорить внятно, чтобы вблизи яснее узнать нужды страждущего. Божий слух для услышания не имеет нужды в звуках голоса. Бог

и по движениям сердца узнает просимое. Или не слышишь, как Моисей, который ничего не говорит, но в бессловных воздыханиях молит Господа, услышан бысть Господом, Который сказал ему: *что вопиеш ко Мне* (Исх. 14, 15)?

Святого Иоанна Златоуста. Наставления о молитве и трезвении

1) Господь не только заповедует прощать похищающему твое и олихоимствовавшему тебя, но говорит еще: люби его любовью сильнейшею и искреннею. Ибо это, именно это внушить желая, сказал Он: *молитесь за творщих вам обиду* (Лк. 6, 28), – что делается обычно только в отношении к тем, коих сильно любят. Так Христос молиться об обижающих заповедал, а мы ковы сшиваем против них и, получив повеление – благословлять клянущих нас, забрасываем их тысячами проклятий.

2) Помолиться, говоришь, я и дома могу, а слышать беседы и учение дома не могу (обличаются уходящие из церкви, прослушав беседу Златоуста, по прочтении Евангелия). Обманываешь ты себя, человеце. Помолиться и дома, конечно, возможно; но так помолиться, как в церкви, невозможно, – где такое множество отцев, и где такой единодушный к Богу воссылается вопль. Не будешь ты так услышан, когда сам о себе один молишься Господу, как (когда молишься Ему) с братьями своими. Ибо здесь есть нечто большее, как то: единомыслие, согласие, союз любви и молитвы иереев. Иереи для того и поставлены предстоять в собраниях, чтоб слабейшие сами по себе молитвы народа, быв подъяты их сильнейшими молитвами, вместе с ними восходили на небеса. К тому же что пользы от проповеди, когда с нею не соединяется молитва? Прежде молитва – а потом слово. Так и апостолы говорят: *мы же в молитве и служении слова пребудем* (Деян. 6, 4). Так делает и Павел, всегда молитвою начиная свои послания, чтобы как свет светильнику, так и свет молитвы предшествовал слову. Если приучишь себя молиться со тщанием, то не будешь иметь нужды в учении от равных тебе рабов; потому что тогда нам Бог, без всякого посредства, будет просвещать ум твой. Если же молитва одного такую имеет силу, то тем паче молитва в союзе со многими. У этой больше силы и больше дерзновения, чем у той, которая дома бывает, наедине. Откуда это видно? Послушай, как говорит о сем св. Павел: *еже от толикыя смерти избавил ны есть, и избавляет, наньже уповахом, яко и еще избавит, споспешествующим и вам по нас молитвою, да от многих лиц, еже в нас дарование, многими благодарится о нас* (2 Кор. 1, 10, 11). Так и Петр освобожден из узилища, потому что *молитва бе прилежна бываемая от Церкви к Богу о нем* (Деян. 12, 5). Если же Петру принесла пользу молитва Церкви, то как же ты, скажи мне, презираешь силу ее, и какое можешь иметь в этом извинение? Послушай еще, – вот и сам Бог говорит, что Он не может не приклоняться, когда множество народа благоумно докучает Ему в молитве. Ибо, оправдывая пред Ионою скорое помилование Ниневитян, Он говорит: *ты оскорбился еси о тыкве, о нейже не трудился еси, ни воскормил еси ея, яже родися об ноць, и обноць погиге. Аз же не пощажду ли Ниневии града великаго, в немже живут множайшии неже дванадесать тем человек* (Ион. 4, 10, 11)? Не просто Он выставляет на вид множество народа, но с тем, чтоб дать тебе уразуметь, что согласная многих молитва великую имеет у Него силу.

3) Предмет всегдашних моих увещаний – да прилежим усердной молитве трезвенною мыслию и бодренною душею (это в храме, на литургии). Дьявол, видя, как пламенна и возбужденна душа твоя в молитве, поймет, что путь к помыслам твоим для него непроходен. Увидев, что ты зеваешь и себе не внимаешь, он тотчас вскочит в тебя, как в пустое, оставленное жильцом жилище. Если же увидит, что ты собран в себе, бодрствен и к самым небесам будто привешен, то даже и взглянуть на тебя не посмеет. Пожалуй же себя и загради вход в душу твою лукавому демону. Ничто так не преграждает пути к его на нас находу, как прилежная и теплая молитва.

4) Что, думаешь ты, поведывается, когда диакон возглашает: *прости* (?риoi, выпрямившись), *станем добре!* Не другое что, как чтоб мы восставили долу стелющиеся помыслы наши

и, отрясши духовное разлечение, порожденное в нас хлопотами по житейским делам, прямо пред лицом Бога поставили душу свою. А что это истинно так есть, что слово это относится не к телу, а к душе, ее повелевая восставить прямо, послушаем Павла, который в этом именно смысле употребил сие речение. Ибо простирая слово к людям, которые готовы были пасть духом под бременем бед, он говорит: *ослабленные руки и ослабленная колена исправите* (Евр. 12, 12). Ужели скажешь, что он говорит здесь о руках и ногах тела? Никак: ибо он обращает речь не к тем, кои ведут состязания в беге и борьбе, но он убеждает этими словами восставить силу внутренних помыслов, разбитых искушениями.

5) Помысли, близ кого стоишь ты? С кем приступаешь призывать Бога? С Херувимами. Внимай же сим, в одном с тобою стоящим хоре, – и этого будет тебе достаточно к поддержанию трезвения, когда будешь помнить, что ты, обложенный телом и с плотию соплетенный, удостоен воспевать общего всех Владыку вместе с бесплотными. Итак, принимая участие в сих священных и таинственных песнях, никто не стой здесь с распушенным вниманием и расслабшим усердием, никто в это время не держи житейских помыслов, но изгнав все земное из ума и всецело перенесшись на небо, так возноси всесвятую песнь Богу славы и величия, как бы ты стоял близ самого Престола славы, об руку с Серафимами. Для сего-то и поведывается нам стоять добре в это время. Ибо стоять добре не что другое означает, как стоять так, как подобает стоять человеку пред лицом Бога, – со страхом и трепетом, с трезвенною и бодренною душою.

6) Что и это речение (*станем*; пред сим толковал об ?руоі – выпрямившись) относится к душе, опять показал тот же св. Павел, говоря: *тако стойте о Господе возлюбленнии* (Фил. 4, 1). Ибо как стрелец, желая пускать стрелы прямо в цель, прежде всего заботится установить себя самого и, уже установившись верно против цели, начинает стрелять; так и ты, желая устрелить диавола в злую его голову, прежде позаботься установить помыслы, чтоб, утвердившись в правом и беспрепятственном стоянии, верно бросать в него стрелы.

7) Молитва есть великое оружие, сокровище неоскудевающее, богатство никогда неистощиваемое, пристанище неволненное, невозмутимое отишье, – и бесчисленных благ корень и источник и мать есть молитва: она могущественнее самой царской власти. Молитву же я разумею не кое-какую, не нерадивую и рассеянную, но пламенную и притрудную, исходящую из души болезнующей и ума глубокособранного. Такая только молитва небовосходна.

8) Как вода, когда течет по ровному месту и разливается широко, не поднимается вверх: когда же руки искусников утесняют ее всесторонними ограждениями, тогда она от собственного напора быстрее стрелы устремляется вверх: так и сердце человеческое, наслаждаясь всяким покоем, рассеивается и разливается; когда же обстоятельства утеснят его, тогда гнетомое оно воссылает горе чистые и усердные молитвы. И чтоб убедиться тебе, что эти именно, от скорби воссылаемые молитвы, наиболее бывают сильными на небе, послушай, что говорит пророк: *ко Господу вегда скорбети ми, возвах и услыша мя* (Пс. 119, 1). Воспламеним же сердце свое и сокрушим душу памятованием грехов, сокрушим ее не за тем, чтоб только утеснить, но чтоб приготовить и услышание молитвы ее, сделав ее трезвенною, бодренною и самых небес касающеюся.

9) *Боже милостив буди мне грешному*, взывал мытарь и вышел из храма оправданным паче фарисея (Лк. 8, 13). И вышло, что слова явились выше дел, и речения превзошли деяния. Тот выставлял свою праведность, пост, десятины; а этот одни сказал слова (без дел) и стяжал прощение без грехов. Почему так? Потому, что Бог не одни слова слушал, но паче внимал чувству, с каким они произнесены, – и, нашедши его сокрушенным и смиренным, помиловал и восчеловеколюбствовал. Это говорю я, не да согрешаем, но да смиренномудрствуем. Ибо если мытарь, человек последней худости, не воссмиренномудрствовав (ибо что за смиренномудрие у того, у кого все худо?), а только возблагодарив, и грехи свои высказав, и исповедав себя тем, чем был, такое привлек к себе Божие благоволение, то сколь большую привлекают себе Божию помощь те, которые, наделав много добрых дел, нимало высоко о себе не думают!

Посему-то я всегда и прошу, и молю, и заклинаю всякого из вас, как можно чаще исповедывать грехи свои пред Богом. Я не вывожу тебя пред публику, как на зрелище, и не принуждаю открывать грехи свои пред людьми. Пред Богом открой совесть свою. Ему покажи раны свои и у Него проси уврачевания. Ему покажи, не поношающему, но уврачевание подающему (Иак. 1, 5). Он уже все видит, хоть ты и молчишь. Выскажись же, – и получишь пользу. Выскажись, чтобы сложив все бремя грехов здесь, туда перейти чистым без всяких ран греховных, – и избавишься от нестерпимого опубликования их (на Страшном суде). Три отрока душу свою предали за исповедание единого истинного Владыки всяческих и Бога, и в печь огненную ввержены; однакоже после стольких и толиких доблестей, говорят: *несть нам отверсти уст, студ и поношение быхом рабом Твоим, и чтуцим Тя* (Дан. 3, 33). Так зачем же вы отверзаете уста свои? Чтоб это одно, говорят, сказать, что *несть нам отверсти уст*, и этим одним умилоствит Господа.

10) Сила молитвы угашала силу огненную, укрощала ярость львов, прекращала брани, отверзала врата небесные, расторгала узы смерти, прогоняла болезни, отражала нападения, спасала грады от землетрясения, отвращала и свыше несущиеся удары, и человеками готовимые наветы, и всякого вообще рода бедствия. Молитву же опять разумею не ту, которая только в устах вращается, но ту, которая исходит из глубины сердца. Ибо как дерева, глубоко в земле пустившие корни, не сваливаются и не исторгаются, какие бы сильные ветры ни нападали на них, потому что корни крепко держат их в земле: так и молитвы, из глубины сердца воссылаемые, будучи там укоренены, безопасно простираются горе, никаким приражением помыслов не быв уклоняемы от сего направления. Почему и пророк говорит: *из глубины воззвах к Тебе Господи*.

11) Хотя уже не мало раз приходилось нам говорить о молитве, но надо поговорить о ней и ныне. Ибо как бывает с одеждами нашими, что если материя, из которой оне сшиты, однажды только покрашена, то краска эта скоро и легко сходит, а если красильщик несколько раз покроет ее краскою, то цвет ее навсегда остается неизменным: то же самое бывает и с душами нашими, – что если часто слышим какое наставление, то принимая его, как какое глубоко входящее окрашивание, не легко забываем его. Итак не мимоходом слушайте слова о молитве. Ибо нет ничего сильнее молитвы, нет ничего ей равного. Не столько блистателен царь облеченный в пурпур, сколько молящийся, украшенный беседою с Богом. Ибо как если б кто-нибудь, пред лицом всего воинства, воевод и разных начальственных лиц, приступив к Царю, стал беседовать с ним наедине, то взоры всех обратил бы на себя, и в то же время явился в очах их особенно достойным отличия и почета: так бывает и с молящимися. Представь себе, каково это человеку, яко человеку, в присутствии Ангелов, предстоянии Архангелов, Серафимов и Херувимов, и всех других Бесплотных Сил, с великим дерзновением приступить и беседовать с Царем оных Сил? Какою не облакает это его честию? Но не честь только, а и польза очень великая бывает для нас от молитвы, даже прежде, чем получим просимое. Ибо вместе с тем, как возденет кто руки к небу и призовет Бога, тотчас отстает он от всех человеческих дел и переносится мыслию в будущую жизнь, и затем уже созерцает только небесное, ничему, относящемуся к настоящей жизни, не внимая во время молитвы, если молится усердно. Вследствие сего, гнев ли был у него пред сим в движении, он легко улегается; похоть ли жгла, – она погасает; зависть ли точила, – она прогоняется с великим удобством. В душе при сем то же совершается, что бывает в природе при восходе солнца, как говорит пророк. Помнишь, что говорит он? *Положил еси тму, и бысть нощь, в нейже пройдут вси зверие дубравнии: скимнирыкающие восхитити и взысками от Бога пищу себе. Возсия солнце, и собрашася, и в ложах своих лягут* (Пс. 103, 20—22). И так как при появлении солнечного света убегают все звери и скрываются в ложах своих: так и когда молитва, как луч некий, появится от уст наших и нашего языка, тогда ум просвещается, все же неразумные и зверовидные страсти отступают, разбегаются и

прячутся в свои им норы, – только бы молились мы, как следует, с душою бодренною и трезвенною мыслию. Тогда будь диавол близ, он отгоняется, будь демон, – убегает.

12) Господь многое совершал, чтобы показать нам пример. С тем же намерением Он и молитвы многие совершал. Когда ученики приступили к Нему и просили Его научить их молиться (Лк. 11, 1); что надлежало ему сделать, скажи мне? Не научить их молиться? Но Он затем и пришел, чтоб возвесть их во всякое любомудрие. Но если надлежало научить молитве, то надлежало и Самому молиться. Скажешь, что это можно было сделать и словом одним? Но учение словами не так сильно действует на обучаемых, как учение делами. Почему Он и учит их молитве не словами только, но и Сам делает то же, молится по целым ночам в уединенных местах, научая нас и внушая, когда намереваемся беседовать с Богом, бегать шума и молвы житейских, и удаляться в пусто место, приспособляя притом к молитве не место только, но и время. Пустынь – не гора только, но и какое-либо жилище, недоступное для шума. Так же когда благословлял Он хлебы, то воззрев на небо, помолился (Мр. 6, 41), чтоб научить нас не прежде вкушать от трапезы, как по возблагодарении создавшего плоды Бога.

13) Правость и чистоту жизни ничто так не может установить и утвердить, как частое бывание здесь в храме и усердное слушание Слова Божия. Ибо что пища для тела, то для души научение божественными словесами. *Не о хлебе едином жив бывает человек, но о всяком глаголе исходящем из уст Божиих* (Втор. 8, 3). Почему и не причащение сей трапезы производит своего рода голод. И Бог угрожает им и наводит его, как наказание и кару. *Послю, говорит Господь, глад на землю, не глад хлеба, не жажду воды, но глад слышания слова Господня* (Амос. 8, 11). Как же после сего не неуместно будет, для отстранения глада телесного, все делать и предпринимать, а душевный глад самим себе добровольно причинять, тогда как он гораздо бедственнее первого, – настолько, насколько в важнейшем терпится и ущерб от него. Прошу же вас и молю, не будем устроить против себя такого злого навета, но всякому другому делу и занятию будем предпочитать пребывание здесь (в храме). Ибо скажи мне, что можешь ты приобрести такого, что могло бы равняться вреду и для тебя и для дома твоего от оставления церковного собрания? Хотя бы ты нашел сокровищницу, всю битком наполненную золотом, и ради того не пришел сюда, – все больший потерпишь ты вред, – настолько большой, насколько духовное ценнее чувственного. Того хоть бы и много было, и оно отвсюду больше и больше стекалось, – не велико дело; потому что оно не будет сществовать нам в тамошнюю (загробную) жизнь, не преселится с нами на небо и не предстанет пред страшным престолом, а почасту даже и прежде кончины оставляет нас и рассывается, если же и остается в наших руках до конца жизни, всячески самую кончиною отъемлется у нас. А духовное сокровище есть неотъемлемое стяжание, – всегда сопутствует нам, последует за нами при переселении отселе, и пред Престолом Судии подает нам великое дерзновение [1, 800—1].

14) Двоякий получаем мы плод от бывания на церковных собраниях. Не то только бывает плодом сего, что мы души свои напаяем божественными словесами, но еще и то, что мы чрез то врагов своих покрываем крайним стыдом, а братьям нашим доставляем утешение и оживление. Ибо когда, подошедши к сим священным дверям, увидит кто, что собравшихся немного, тотчас охлаждается и в том усердии ко храму, какое имел, поддается припадкам разленения и, расслабши совсем, удаляется прочь от церкви; а когда увидит, что отвсюду со всем усердием спешат в церковь и стекаются на служение Богу, тогда, хотя бы он был самый нерадивый и беспечный, это видение усердных возжигает и в нем равное усердие. Ибо если камень о камень тремый скоро извлекает искру, если и тогда, как камень холоден, а огонь горяч, соударение их побеждает естество; то, если с камнем это бывает, не тем ли паче будет с душами, когда они одна о другую станут тереться и взаимно согреваться огнем духа [1, 801]?

15) Муж глава жене (Еф. 5, 23), а жена помощница мужу. Итак глава да не решается без тела своего ятися пути, ведущего к сему священному месту, и тело да не является здесь без главы, но да входят сюда и глава и тело, имея с собою и чад своих. Ибо если приятно

видеть дерево с отростками от корня его, тем паче приятно видеть человека, имеющего при себе дитя, как отрасль от корня своего. И не только приятно это, но и благотворно и похвально. Благотворно для собравшихся, в том смысле, как сказал я выше; похвально для родителей и служителей слова: ибо и земледельцу мы дивимся не тогда, когда он обрабатывает землю, не раз уже обработанную, но тогда, когда он, взяв землю непаханную и незасеванную, всякое об ней прилагает попечение, чтоб сделать ее плодоносною. Так и св. Павел действовал, в честь себе ставя – проповедывать Евангелие не там, где именовася уже Христос, а там, где не именовася. Ему и мы будем подражать, и в возвращение Церкви, и для нашей собственной пользы [1, 802].

16) Не столько царская корона украшает главу, сколько крест, всего мира честнейший. От чего прежде все с ужасом отвращались, то ныне стало для всех вожделенно, – и ты повсюду встретишь его, у начальников и у подначальных, у жен и мужей, у дев и замужних, у рабов и у свободных. Все часто напечатлевают его на важнейшей части своего тела, и на челе своем изображенным, как на колонне, носят его повседневно. Он – на священной трапезе, он – в хиротониях иереев, он опять с телом Христовым на Тайной вечери сияет. Его всюду господствующим может видеть всяк, – в домах, на рынках, в пустынях, на дорогах, на горах и холмах, на море, кораблях и островах, на одрах, одеждах и оружиях, на сосудах серебряных и золотых, на камнях драгоценных и украшениях стен, на телах, обладаемых демонами, во время войны и мира, и днем и ночью. Так вожделен для всех стал сей дивный дар, – сия неизреченная благодать! Никто не стыдится его, никто не закрывает лица своего, помышляя, что он есть знак поносной смерти: но все украшаемся им паче, нежели коронами, диадимами и бесчисленными маргаритами [1, 826].

17) Хочешь ли видеть наилучшее украшение постели? И сейчас покажу тебе украшение постели не какого-либо простого селянина, и не человека военного, но постели царской. Я совершенно уверен, что, будь ты из всех самолюбивых самолюбивейший, не пожелаешь однако ж постели краше постели царя, и царя не какого-нибудь, но царя первого, всех царей царейшего, и донныне славимого во всей вселенной. Указываю тебе на постель блаженного Давида. Знаешь, какова она была? Она была преукрашена не золотом и серебром, но слезами и исповеданием. Об этом сам он сказывает, говоря: *измыю на всяку мощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу* (Пс. 6, 7). Слезы, будто маргариты, отовсюду были на ней насажены. И посмотри ты мне, какая у него боголюбивая душа? Так как днем развлекали его многие заботы и попечения о делах народных и воинских, то он на исповедание, молитвы и слезы употреблял время отдыха, в которое другие все наслаждаются покоем. И это делал он не так, чтоб одну ночь побдел, а другую отдыхал, или по две и по три ночи бодрствовал, а в промежутках предавался покою, но делал так всякую ночь. *Измыю*, говорит, *на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу*, – выражая тем и обилие слез и постоянство в них. Когда все отдыхали и предавались покою, один он беседовал тогда к Богу, и очей не смыкал, с сокрушением и плачем исповедуя грехи свои. Такую же и ты приготовь себе постель. Постель, золотом обложенная с одной стороны, зависть человеческую возбуждает, с другой – гнев Божий воспаляет. Слезы же, подобные слезам Давида, даже гееннский огонь угашают [1, 973].

18) Для чего Бог вложил в душу нашу такого деннонощно бодренного и бдительного судию? Совесть, говорю. Между людьми нет такого неусыпного судии, как наша совесть. Внешних судей и деньги портят, и лесть расслабляет, и страх заставляет кривить весы, и многое другое уклоняет от праведного решения дел. Совестное же судилище ничем таким не повреждается; но хоть деньги давай, хоть лесть расточай, хоть страшай, хоть другое что делай, она все праведное произносит осуждение погрешивших помыслов: и сам согрешивший, сам он осуждает себя, хотя бы никто другой не обличал его в грехе. И это не однажды и дважды, но многократно и всю жизнь не перестает она делать. Пусть и значительное пройдет время, она никогда не забудет сделанного. И во время совершения греха, и прежде совершения его, и после совершения строгом налегает на нас судом, – особенно после прегрешения. В то время,

как совершаем грех, опьяняемые сластью греховною, не так чувствуем мы (упреки совести); но когда грех сделан и дело грешное приведено к концу, тогда сласть греховная исчезает и находит горькое жало покаяния. Противное сему бывает у рождающих. У тех прежде рождения бывают боли нестерпимые, муки раздирающие, после же рождения – радость и покой, ибо вместе с исходом плода чревного отходят и все боли: а здесь не так, но когда приемлем греховные помыслы и зачинаем преступные желания, радуемся и веселимся, а когда родим злое дитя – грех, тогда, увидев срамоту рожденного, начинаем мучиться и раздираться болями, горшими, чем у рождающих. Посему не будем, прошу вас, принимать особенно вначале растлительного похотения: если же примем, истребим сие семя внутри (прежде чем созреет и родится из него плод). Но если и это допустим по нерадению, поспешим убить делом совершенный грех, исповедию, слезами и осуждением самих себя. Ибо ничто так не разрушительно для греха, как самоосуждение с покаянием и слезами. Осудил ты себя в грехе? Сбросил с себя бремя его. И кто это говорит: Сам Бог – Судия. Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишься. Чего же ради, скажи мне, ты стыдишься и краснеешь исповедать грехи свои? Человеку разве сказываешь ты их, чтоб он поносил тебя? Или сорабу твоему исповедаешь, чтоб всем о том рассказал? Нет; но Господу, милосердому, человеколюбивому Врачу, показываешь раны свои [1, 1011].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.